

FEEDBACK

Отзывы современников о Б.Ф. Инфантьеве

Людмила Спроге (руководитель отделения русистики филологического факультета Латвийского университета, профессор, доктор филологии и литературовед).

— Борис Федорович Инфантьев был неизменным председателем нашего научного совета, и я помню, как сама защищала дипломную работу под эгидой профессора Инфантьева. Он всегда был непременным участником наших литературных чтений и семинаров. Первые Фридриховские чтения состоялись уже после того, как мы организовали Центр русистики. Борис Федорович был одним из участников первого научного сборника этих чтений. (*Инфантьев Б.Ф. Вклад Ивана Дмитриевича Фридриха в сопоставительную фольклористику Fridriha lasījumi. Фридриховские чтения. Сборник посвящен памяти Юрия Ивановича Абызова. Сборник научных материалов и статей. Рига: Латвийский университет, 2007*). На конференциях по лингвистике Инфантьев был и выступающим, и как бы хранителем интеллектуальной памяти о русской культуре Латвии. Борис Федорович был одним из первых выпускников отделения славистики Латвийского университета, бескорыстно служивший науке всю свою жизнь.

(Из выступления на первых Чтениях памяти Б.Ф. Инфантьева, организованных Балтийской Международной Академией 10 апреля 2010 г.)

Арнольд Подмазов (доктор философии) (1937–2010)

— С Борисом Инфантьевым я соприкасался только в последние годы его жизни, когда в рамках староверческого общества проходили семинары. Борис Федорович был председателем, а я секретарем этих семинаров. Надо сказать, что семинар при центре «Веди», начавшийся, кажется, с 1993 г., сам себя изжил. Он замыслился не как просветительский, а как организационный семинар, на котором обсуждалось, что делать, какие конференции проводить. Главный результат семинара в том,

что по разработанным на нем программам прошел целый ряд конференций.

Для Бориса Федоровича старообрядчество было далеко не первостепенной темой, но он эту тему знал почти досконально. Я вместе с ним был редактором двух больших тематических сборников, он как редактор обращал внимание на очень тонкие вещи. На последнем конгрессе по риторике он выбрал темой выступления спор двух или трех рижских начетчиков с протестантским теологом. Для непосвященного рассказ не производит никакого впечатления. Собрались начетки и поспорили с протестантским богословом. Но Борис Федорович увидел в тексте особенности быта того времени, менталитета и т.д. В тексте использовано обращение к начетчику «старчик», а не «старче». Старче — это старец, почти духовный мастер, а старчик — уничижительное название... Это всего лишь один эпизод, который сейчас могу вспомнить.

Труды трудами, а у Бориса Федоровича их было более 500, но была еще такая деятельность, как редактирование, методическая помощь, совершенно необходимая для подготовки серьезных академических сборников.

Позвольте рассказать еще один факт из биографии Б. Инфантьева. Борис Федорович неоднократно упоминал, что когда-то по поводу И.Н. Заволоко от ленинградских исследователей пришла петиция с просьбой помочь решить вопрос о его пенсии. Вице-президент Академии наук Латвийской ССР, академик АН ЛССР П.И. Валескалн не знал о Заволоко ничего и попросил Инфантьева дать пояснительную справку об этом человеке. Одновременно то же самое задание он отправил в наш институт, и оно попало ко мне и к уже покойному З.В. Балевицу. Мы написали. И наш ответ Валескалну пришел вместе с запиской Инфантьева. Борис Федорович расписывает, какой большой ученый Заволоко. Мы тоже написали о Заволоко как большом ученом с просьбой повысить пенсию. Правда, из наших усилий ничего не получилось.

После этого эпизода прошло много времени. Мы вынуждены были переезжать из одного места в другое. Я недавно разбирал какие-то свои бумаги и нашел ответ на запрос Валескална. Там из двух страниц машинописного текста сохранилась лишь последняя страница, то что я обнаружил. Там ссылка на письмо и разъяснение Инфантьева. Мы там хвалим, хвалим Заволоко. Дальше наша фраза: «...нужно отметить, что многоуважаемый товарищ Инфантьев относительно оценки Заволоко допустил одну ошибку. Заволоко к атеистической пропаганде, как пишет Инфантьев, никогда не привлекался».

То есть Борис Федорович настолько хвалил Заволоко, что приписал ему лишнее, чего никогда не было.

(Из выступления на XL Чтениях Гуманитарного семинара 15 декабря 2009 года: «Проблема изучения биографии Бориса Федоровича Инфантьева»).

Агния Кемпеле (дочь Б.Ф. Инфантьева)

— Мы долгие годы в Лиелупе снимали дачу как раз в том доме, где когда-то жили писатель, литературовед Антон Янович Биркерт (1876—1971) и фольклорист, сотрудник Института этнографии и фольклора АН ЛССР Петерис Янович Биркерт (1881—1956).

Главное место в жизни Бориса Федоровича и дома, и на работе занимала наука. В семье у нас было довольно-таки свободное воспитание. Помню, в классе пятом или шестом я обратилась к папе и спросила, почему родители заставляют детей учиться, на что Борис Федорович ответил: «Нет, это неправильно. Если ты хочешь, то учись, если нет, то не надо».

Поэтому я сама выучила французский язык, без помощи родителей, и теперь работаю преподавателем французского языка.

(Из выступления 18 сентября 2010 года на LIX Чтениях, посвященных памяти Б.Ф. Инфантьева).

Олег Пухляк (историк)

— Мы в свое время делали выставку в Балтийском институте «Русские традиции в Латвии». При подготовке к выставке мы использовали рабочие ученические тетради, блокноты, адресные книги с пожеланиями, которые были переданы Борисом Федоровичем на организацию этой выставки. Тогда мы надеялись создать Русский музей в Риге. Для музея создавался фонд источников, в том числе и Б. Инфантьевым.

Борис Федорович был щедрым человеком, и его материалы в нашем городе мы обнаружили в разных руках, начиная от его статей, использовавшихся по-разному, в том числе и нечестно. Его студенты также могут стать одним из источников изучения биографии Б. Инфантьева.

Русской тематикой я начал заниматься в университете уже после службы в армии и тогда же услышал о светоче русской культуры — Б. Инфантьеве. Случай познакомиться с Инфантьевым представился мне в 1995–1996 гг., когда группа единомышленников искала возможность открыть общество, позволяющее академическим образом изучать историю русских в Латвии, так как было понятно, что университет в Латвии не будет заниматься интересующими нас темами. Мы столкнулись с идеей создания фонда славянской культуры и письменности. Как потом оказалось, один подобный фонд уже существовал в Риге, и в нем уже предложили Борису Федоровичу стать президентом. Мне, не знаю точно, почему, предложили место первого вице-президента фонда (в то время я еще не проявил себя выступлениями и публикациями). Олегу Вовку предложили место второго вице-президента, который, собственно, и должен был стать настоящим руководителем фонда. Именно тогда я узнал двор на улице Рупниецибас, в котором располагалось общество и где проходили его заседания.

Борис Федорович серьезно воспринял предложение, но вместо работы в обществе пошла не совсем корректная борьба за власть, и мы столкнулись с тем, чем иногда бывает русская общественность в Латвии.

Борис Федорович в этой ситуации проявил себя как настоящий интеллигент: не повышая голоса, заявил о выходе из этой организации. Мы решили создать новую структуру и в 1996 году юридически оформили Рижское славянское историческое общество. Первое большое дело, которое осуществило общество, провело юбилей Бориса Федоровича Инфантьева. Во время юбилея мы столкнулись с тем, что Б. Федорович оказался кросс-культурной фигурой. В его 75-летнем юбилее участвовали не только русские, но и евреи, и латыши...

В Рижском славянском историческом обществе президентом был Борис Федорович, занимавшийся методической работой, черновую работу приходилось выполнять мне. Поражала глубина его знаний... Историю я

еще могу оценить, а лингвистические знания Бориса Федоровича уже по ту сторону моего понимания. В качестве примера позвольте рассказать одну историю. Однажды Борис Федорович достал документ XIII или XIV века о том, как русские и немецкие купцы находили друг с другом общий язык. Документ для историка очень ценный, и его Борис Федорович читал очень медленно. Мне показалось, что так и должен размеренно читать пожилой человек. Мне стало интересно, а чем заканчивается документ? Зашел со спины Бориса Федоровича и увидел печатный текст на латинском языке. Я тоже в университете учил латынь, но чтобы с листа читать и переводить на литературный язык... Переспросил — откуда вы так хорошо знаете латынь? На что Борис Федорович не меньше моего удивился: «Ну, как же, в гимназии учили же латынь!».

(Из выступления на XI Чтениях Гуманитарного семинара 15 декабря 2009 года: «Проблемы изучения биографии Б.Ф. Инфантьева»).

Владимир Соколов (председатель общества «Гражданство. Образование. Культура»)

— Не может не удивлять тот факт, что Борис Федорович до 86 лет сохранял желание созидать и передавать опыт своей жизни. Инфантьев был воцерковленным человеком. На одном из Гуманитарных семинаров выступал священник из Эстонии. И я позволил пошутить: раз будет Апокалипсис, то нет смысла придерживаться общепринятых правил. На что Борис Федорович заметил: раз человек создан по образу и подобию Божию, то человек до конца своих дней, как в библейской притче, должен преумножать таланты.

В 2009 году общественные организации Латвии впервые организовали конкурс среди деятелей культуры Латвии, так называемую Премию «Признание». Он был номинантом. К сожалению, премию за 2009 год пришлось получать его родственникам...

Нет таких людей в Латвии, которые смогли бы внести столь же великий вклад в исследование русской культуры нашей страны, как Инфантьев.

Последнее, что мне хотелось бы отметить, — это важность Бориса Федоровича как бытописателя русской жизни в Латвии, начиная от первой Латвийской республики, заканчивая современностью. Не один Инфантьев писал о прошлом. Но, пожалуй, только у него нет

субъективного оттенка при описании портрета эпохи. Ему как-то удавалось запечатлеть происходившее объективно и отстраненно. В этом его заслуга перед нами, пытающимися понять тот мир, в котором мы живем.

(Из выступления на LXII Чтениях Гуманитарного семинара 6 ноября 2010 года, посвященных памяти Б.Ф. Инфантьева)

Григорий Смирин (доктор исторических наук)

— К сожалению, лично я не был знаком с Борисом Федоровичем. Хотя, естественно, видеть, слышать, читать труды приходилось довольно много. Я кратко коснусь только одного творческого аспекта — это его воспоминания. Не столь далекое прошлое, 2006 год. В VI выпуске Альманаха Гуманитарного семинара, который все знают, были опубликованы воспоминания Бориса Федоровича о его поездке во второй половине 70-х гг. на судебный процесс в Потсдам, тогда государство ГДР. В 70-е гг. проводилась целая серия процессов над нацистскими коллаборационистами, которым удалось еще во время войны при приближении советских войск вместе с гитлеровцами бежать на Запад. Речь в воспоминаниях шла о судебном процессе над неким Штейном, который служил адъютантом у Арайса, возглавлявшего известную расстрельную команду СД, сформированную нацистами в 1941 году из местного населения.

Когда я прочитал эти воспоминания, то меня поразила, во-первых, память Бориса Федоровича, крепкая к конкретным деталям, датам и людям, во-вторых, я прочитал в статье Инфантьева то, что ни в одном источнике не встречал. Приведу такой пример: вступление 1 июля 1941 года немецких войск в Ригу. Город спокойный, так как советская армия уже ушла, беженцы ушли. Борис Федорович замечает: в городе вдруг зазвонили колокола. Православный звон колоколов, сопровождавший процессии местных жителей с цветами к памятнику Свободы. Самая интересная деталь: помимо латвийских флагов, которые были вывешены, в витринах магазинов появились портреты Улманиса и Балодиса. Проходит несколько дней, и немцы потребовали убрать и портреты, и флаги. Менялась эпоха... ожидания людей, оставшихся в Риге не оправдались.

(Из выступления на LXII Чтениях Гуманитарного семинара 6 ноября 2010 года, посвященных памяти Б.Ф. Инфантьева)